

Михаил Иванович Туган-Барановский
Джон Стюарт Милль. Его жизнь и
научно-литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175511

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Иванович Туган-Барановский Джон Стюарт Милль. Его жизнь и научно – литературная деятельность

Биографический очерк М. Туган-Барановского

С портретом Милля, гравированным по рисунку И. Панова

Глава I

Отец Милля и его характеристика.

Когда изучаешь жизнь какого-нибудь замечательного человека, то всегда бывает интересно знать, что за люди были его родители и при каких условиях ему приходилось расти и развиваться. Мы до сих пор мало знакомы с законами наследственности; однако, как известно, духовные качества родителей, точно так же, как и их физические свойства, в большей или меньшей степени передаются потомству. Воспитание является другим могучим орудием влияния родителей на детей; впечатления детства имеют, быть может, больше значения в выработке нравственного и умственного склада человека, чем все последующие впечатления его жизни. В характере многих выдающихся людей можно проследить влияние наследственности и воспитания, но вряд ли можно найти в этом отношении более поразительный пример, чем пример Джона Стюарта Милля.

Личность Джеймса Милля, отца знаменитого мыслителя и экономиста, настолько своеобразна и оригинальна, что изучение его характера представляло бы глубокий психологический интерес даже в том случае, если бы Джеймс Милль не играл никакой роли в истории духовного развития своего сына. Он происходил из бедной шотландской семьи и первоначально хотел посвятить себя духовному званию. Но обстоятельства сложились так, что вместо этого он сделался литератором. Главная причина, побудившая его изменить своему первоначальному плану и вместо легкой и привольной жизни пастора обречь себя на необеспеченное существование литературного пролетария, заключалась в его религиозных убеждениях. Джеймс Милль был воспитан в строго религиозной пресвитерианской семье и в дни своей юности сам был глубоко верующим человеком. Но мало-помалу, под влиянием чтения и размышлений о прочитанном, взгляды его на религиозные вопросы изменились. Одно время он был деистом, затем для него наступил период сомнений, из которого он вышел с убеждением, что человек не может знать ничего определенного относительно происхождения мира. Вместе с тем он не был положительным атеистом и даже презирал догматический атеизм как одну из тщетных попыток человеческого ума познать сокровенную сущность вещей, которая всегда останется непознаваемой. Крайне любопытно, что возражения Джеймса Милля против христианства основывались не только на доводах рассудка, но и вытекали из его нравственных воззрений. Он полагал, что наш мир так полон зла и несчастия, что нельзя приписывать его происхождение одному доброму началу; по его мнению, всемогущий и всеблагий Творец не мог бы осудить человечество на ту жалкую участь, какой ему представлялась наша жизнь. Миллю больше нравилось древнее учение Зороастра о двух верховных началах – добра и зла, – совместно управляющих миром. Он надеялся, что окончательная победа останется на стороне доброго начала, но не мог согласиться, что эта победа теперь уже одержана добром.

Внешняя история жизни Милля может быть разделена на два периода, гранью между которыми является его поступление в 1819 году на службу в Ост-Индскую компанию. Он получил это место, доставившее ему верный и хороший заработок (достигавший в конце его жизни двадцати тысяч) после многих лет тяжелой борьбы с нуждой. Тридцати двух лет Джеймс Милль женился, не имея никаких средств к жизни, на очень красивой девушке, Гарриете Берро. Этот брак был единственной непоследовательностью в его жизни, так как теоретически он строго осуждал людей, которые женятся в молодом возрасте, не имея достаточного материального обеспечения.

Уже будучи женатым человеком и отцом многочисленного семейства, он зарабатывал деньги только литературным трудом; литература, конечно, не могла приносить особенных

доходов такому писателю, как Джеймс Милль, который коренным образом расходился по всем своим убеждениям со взглядами, господствующими в обществе.

У Джеймса Милля было 9 человек детей. Старший сын был назван Джоном Стюартом – в честь одного из друзей отца; второй сын получил имя Джеймс Бентам – в честь знаменитого писателя и юриста Иеремии Бентама; третий – Джордж Грот – в честь известного историка Греции. Семейная жизнь Джеймса Милля не была счастлива: у него было мало общих интересов с женой, а к страстной любви он совсем не был способен. Главным содержанием его жизни была работа. Он был одним из самых влиятельных писателей своего времени и до конца жизни вел ожесточенную борьбу со всякого рода политическими и философскими предрассудками, которые казались ему главным тормозом человеческого прогресса. Самым крупным трудом Джеймса Милля была многотомная «История Индии», над которой он работал в течение 10 лет, в период самых тяжелых материальных затруднений. Это сочинение доставило уже немолодому писателю доступ в Ост-Индскую компанию, несмотря на то, что он очень строго критиковал образ действий компании по отношению к туземцам.

В 1821 году им были обнародованы «Элементы политической экономии», а в 1829 году – «Анализ человеческого ума». Вместе с тем Джеймс Милль был деятельным сотрудником нескольких радикальных журналов, успех которых зависел главным образом от его участия. Последняя статья его, написанная незадолго до смерти (в 1836 году), была посвящена доказательству практической полезности политической экономии.

Все эти внешние факты не дают представления о своеобразном умственном и нравственном складе Джеймса Милля, который своим суровым, непреклонным характером, железной волею и стоическими добродетелями несколько напоминает философов древнего мира. Как мыслитель Джеймс Милль был мало оригинален. Он последовательно и логично развивал свои мысли, умел мастерски проследить все самые отдаленные выводы из принятых им основных посылок, но сами посылки он заимствовал у других. Его литературные работы были посвящены исследованию вопросов психологии, этики, политики и политической экономии. Главное сочинение Джеймса Милля по психологии, «Анализ человеческого ума», представляет собою глубоко продуманный трактат о законах, управляющих мыслительными процессами человека; следуя Гартли, он объясняет все психические явления при помощи одного основного принципа – принципа ассоциации. В области этики и политики Джеймс Милль был верным последователем Бентама: высшим критерием нравственности он признает человеческое счастье. Мы должны порицать те действия, которые уменьшают сумму счастья на земле, и только те поступки заслуживают нашего одобрения, от которых сумма человеческого счастья увеличивается. Развивая дальше свою теорию, Милль утверждает, что мотивы человеческих поступков не заслуживают сами по себе ни порицания, ни похвалы. Высокое значение, которое в наше время придают чувству, он считал признаком нравственной отсталости своих современников сравнительно с людьми древнего мира. Для него лично фанатик, искренне преданный делу, вредному для общества, был не менее антипатичен, чем человек, сознательно, из корыстных мотивов делающий зло.

По своим политическим убеждениям Милль принадлежал к крайним радикалам своего времени.

Как экономист Джеймс Милль не представлял ничего выдающегося и развивал учения Адама Смита и своего близкого друга Рикардо.

Во всех сочинениях Джеймса Милля нас поражает одно коренное противоречие: он был глубоко убежден, что все наше знание имеет опытное происхождение, и, между тем, сам никогда не пользовался опытом и наблюдением для своих выводов. Его излюбленный метод исследования – дедукция. При разрешении таких сложных социальных вопросов, как вопросы о наиболее пригодной для страны формы правления, он исходил из немногих основных посылок и, как математик при доказательстве теоремы, нанизывал целую цепь умоза-

ключений, логически вытекающих одно из другого, для того, чтобы доказать преимущество демократического строя перед монархией и аристократией. Человеческая жизнь во всем ее бесконечном разнообразии казалась ему простой и несложною вещью; он не чувствовал и не понимал значения национальных и культурных особенностей народов и глубоко верил, что различие их прошлой истории зависело только от того, что народные массы недостаточно понимали свои интересы. Абстракция, шаблон заменяли для него живого человека. Все эмоциональные движения человеческой души сводились им к ощущениям удовольствия и страдания, мыслительные процессы – к ассоциации представлений. Таким образом, психология делалась такой же точной, априорной наукой, как геометрия, и задачи ее чрезвычайно упрощались. Но дедукция может иметь научное значение только тогда, когда нам известны все факторы исследуемого явления. Если же это условие не было соблюдено, то какую цену может иметь самая строгая логическая дедукция? Она уподобляется зданию, построенному на песке. Таким зданием были этика, политическая экономия и психология Милля.

Стюарт Милль, всегда относившийся к своему отцу с глубоким уважением, видит в нем типичного представителя XVIII века. Та же прямолинейность и последовательность, та же бедность чувства и сухость ума, тот же недостаток фантазии, которые мы встречаем у большинства мыслителей и общественных деятелей прошлого столетия, поражают нас и в Джеймсе Милле. Это был сильный критический, но не творческий ум. Он был совершенно лишен чувства поэзии и красоты. Преклонение английского общества перед Шекспиром он считал временной модой и отрицал поэтичность и жизненность шекспировских типов. Из поэтов он предпочитал Мильтона, который своим суровым, пуританским мировоззрением более соответствовал его собственному взгляду на жизнь. После смерти в его бумагах нашли записную книжку, куда он вносил всевозможные заметки в течение своей жизни. В этой книжке есть масса цитат из всевозможных исторических, экономических и философских сочинений, но цитаты из поэтических произведений почти совершенно отсутствуют. Поэзия, точно так же, как и искусство вообще, не играла никакой роли в его жизни.

Джеймс Милль был из тех мыслителей, которые не могут оставаться в стороне от общественной жизни и ограничиваться одними научными трудами. Он стоял во главе небольшого, но избранного кружка лиц, связанных между собой единством философских и политических убеждений. В то время в Англии еще не было условий для образования радикальной партии, и вследствие этого кружок Милля не представлял из себя крупной общественной силы. Членами кружка среди прочих были: Давид Рикардо, Иеремия Бентам, Грот. Несмотря на то, что Бентам и Рикардо могут считаться учителями Милля, последний, вследствие своих личных качеств, играл среди них первенствующую роль. Только под влиянием советов и убеждений Милля Рикардо решил выпустить в свет свои «Начала политической экономии», составившие эпоху в науке.

Самым близким другом Милля был Бентам. Они часто жилали вместе по несколько месяцев, и когда в 1812 году Джеймс Милль опасно заболел, единственным утешением его была мысль, что в случае его смерти его сын останется на попечении Бентама.

Влияние Джеймса Милля как общественного деятеля и публициста проявилось особенно сильно в конце двадцатых годов, когда в Англии началось движение в пользу парламентской реформы, увенчавшееся успехом в 1832 году. Если можно какому-либо отдельному лицу приписывать честь этого успеха, то ее, скорее всего, следовало бы приписать Джеймсу Миллю. Его статьи в «Encyclopedia Britannica» и «Westminster Review», написанные с необыкновенной силой и убедительностью, дали теоретическое обоснование требованиям демократии и произвели громадное впечатление на общественное мнение. Джеймс Милль не мог быть членом парламента вследствие своей службы в Ост-Индской компании, но многие его друзья были выдающимися парламентскими деятелями. Одно время радикальная партия пыталась организовать и захватить власть в парламенте в свои руки.

Попытка эта, по мнению Стюарта Милля, не удалась потому, что парламентским радикалам не хватало такого вождя, каким мог быть только его отец.

Устная беседа еще больше, чем литература, служила Джеймсу Миллю могучим оружием пропаганды. Он в редкой степени владел искусством разговора. Его сын так описывает впечатление, производимое его отцом на собеседников: «Мой отец пользовался несравненно большим личным влиянием, чем Бентам. Я никогда не встречал человека, который лучше его умел проводить в разговоре свои мысли. Его полное самообладание, точность и выразительность языка, строгая серьезность и сила аргументации делали его одним из самых неотразимых диалектиков своего времени. Его сила заключалась не только в умении чисто логическим путем убеждать слушателя: он умел воодушевлять своих собеседников тем же горячим стремлением к истине и к общему благу, каким был проникнут он сам».

Грот, один из его друзей, говорит, что беседа с Джеймсом Миллем была даже более поучительна, чем чтение его сочинений; по его словам, Джеймс Милль своим необыкновенным умением ставить вопросы и давать на них ясные и точные ответы является живым воплощением идеала древнего философа, каким он нам рисуется по сочинениям Платона и Ксенофонта.

Сила и твердость характера, точно так же, как и громадное преобладание рассудочного элемента над эмоциональным, были отличительными свойствами Джеймса Милля. Стюарт Милль говорит, что отец его по своим взглядам на жизнь «был одновременно стойким, эпикурейцем и циником, хотя, разумеется, не в современном значении этих слов. По складу своего характера он был стойким. Его взгляды на нравственность были эпикурейскими, так как он считал пользу и вред человеческих поступков единственным основанием для их одобрения или порицания. На циников же он походил в том отношении, что совсем не верил в наслаждение. Он не был нечувствительным к удовольствиям, но находил, что большинство из них далеко не стоит той цены, которою приходится за них расплачиваться. По его мнению, жизненные неудачи по большей части зависят от чрезмерного значения, придаваемого нами наслаждениям. Поэтому основным правилом воспитания для него была умеренность в широком смысле этого слова, как понимали ее греческие философы. Человеческая жизнь, утратившая первое обаяние молодости, казалась ему довольно жалкой вещью. Он неохотно говорил на эту тему, особенно в присутствии молодежи; но когда ему случалось затрагивать эти вопросы, он высказывался с глубоким и непоколебимым убеждением. Он иногда соглашался, что жизнь могла бы иметь некоторую цену, если бы люди сделались другими под влиянием хорошего воспитания и разумного правительства; но даже о лучшем социальном строе он никогда не говорил с энтузиазмом. Умственные наслаждения он ставил выше всех других, не только по их результатам для человеческого прогресса, но и ради их самих. Симпатию и привязанность он также высоко ценил и часто говаривал, что старый человек может быть счастлив только живя радостями молодежи. Ко всяким страстным чувствам, как и ко всему, что пишется и делается под влиянием страсти, он относился с самым глубоким пренебрежением. Он считал страсть одной из форм помешательства. Эпитет „чрезмерное“ (intense) был для него одним из самых сильных выражений порицания».

Мы говорили выше, что Джеймс Милль не был монотеистом и охотнее допускал существование двух верховных начал – добра и зла, совместно управляющих миром. Сколько глубокого пессимизма, сколько разочарования в жизни обнаруживается в этом воззрении! Только человек, совершенно лишенный поэтического чувства, утративший веру в человечество, мог нарисовать себе такую мрачную картину устройства вселенной. Пессимизм Джеймса Милля особенно интересен потому, что с внешней стороны ему нечего было желать от жизни. Он был совершенно обеспечен в материальном отношении, занимал почетное и влиятельное общественное положение, мог с полным правом гордиться своими детьми, пользовался общим уважением со стороны своих многочисленных друзей и знакомых, и,

наконец, у него было дело, в которое он верил и которому отдавался всей душой. Его работа не пропадала даром и доставляла ему громадное нравственное удовлетворение. Его сочинения имели успех среди читателей, они волновали общественное мнение, и иные из них имели даже такие крупные практические последствия, как, например, реформа 1832 года. И все-таки Джеймс Милль не любил жизнь и не тяготился ею только потому, что был слишком занят. Жизнь потеряла для него все свои краски: поэзия, любовь, красота, всё, что волнует и радует большинство человечества, казалось ему мимолетным и обманчивым сном юности, который исчезает бесследно, когда человек начинает глубже понимать истинную сущность жизни. Как большинство своих соотечественников, Джеймс Милль по самой своей натуре был более склонен к меланхолии, к сплину, чем к радостному и веселому настроению духа. Вся его жизненная обстановка клонила к чрезмерному развитию умственных способностей в ущерб чувству, которое должно было увядать от недостатка впечатлений. Каждый день один и тот же неустанный умственный труд, без передышки и без отдыха, никаких развлечений, ничего того, что может взволновать человека и заставить хоть на время забыть будничную действительность. Немудрено, что при таких условиях Джеймс Милль зачерствел и потерял всякий вкус к радостям и горестям бытия. И то и другое заменилось скукой, душевной пустотой, от которой он находил спасение только в работе, неутомимой и упорной.

Он с необыкновенной добросовестностью относился ко всякому делу, за которое принимался: был образцовым чиновником, что доказывается его блестящей карьерой, писал толстые книги и журнальные статьи, вел ожесточенную полемику с противниками, не поступаясь никогда своими убеждениями и неуклонно стремясь к одной цели – благу человечества, которому в глубине души он не мог верить.

Нас невольно поражает противоречие между теоретическими воззрениями Джеймса Милля и его частной жизнью. В теории он признавал приятные ощущения единственным благом жизни, а сам не был способен испытывать какие бы то ни было удовольствия, кроме удовольствий умственного труда. По своим вкусам и привычкам он был в полном смысле слова аскетом, и в то же время ничто не возбуждало в нем такого негодования, как проповедь аскетизма. В области умозрения он доверялся только доводам рассудка и, хотя сам мог бы служить лучшим опровержением крайностей эпикурейской теории нравственности, до конца жизни оставался верен своим доктринам, потому что не находил никаких логических погрешностей в их конструкции. Он может быть назван доктринером в лучшем смысле этого слова – человеком, мало обращающим внимания на жизненный опыт и находящимся во власти отвлеченных теорий.

Нечего и говорить, что такой человек не мог быть нежным отцом семейства. Бэн говорит, что постороннему человеку тяжело было видеть отношение Джеймса Милля к своим домашним. Его появление вносило в семью струю холода: непринужденная, веселая детская болтовня тотчас же умолкала и заменялась томительным молчанием, если отец был не в духе, или оживленным теоретическим разговором со старшим сыном, если отцу хотелось поговорить. Даже в отношениях со своими друзьями, которым он был искренно и глубоко предан, Джеймс Милль оставался тем же тяжелым, неуживчивым человеком, и ладить с ним было трудно. Бентам отзывался о нем в следующих выражениях: «Он никогда охотно не спорил со мной. Если мы не сходились во мнениях, он молчал. У него поразительная сила воли. Он стремится всех покорить своим повелительным тоном, всех убедить силой своих аргументов. Его манера говорить имеет в себе что-то подавляющее. Он ходит всегда точно с маской на лице». Этот отзыв, очевидно, не вполне беспристрастен, так как известно из многих источников, что Джеймс Милль не избегал споров и умел блистательно вести их. Но все-таки он имеет для нас значение, потому что показывает, как относился к Миллю его лучший друг. Заметим кстати, что, несмотря на взаимное уважение, друзья несколько раз ссорились.

Сохранилось одно характерное письмо Джеймса Милля, где он высказывает уверенность, что для их дружбы необходимо, чтобы они встречались как можно реже.

Джеймс Милль умер в 1826 году, шестидесяти трех лет от роду, когда как писатель достиг своего апогея.

Его сын говорит, что до последнего момента нельзя было заметить никакого ослабления умственных способностей умирающего; он по-прежнему интересовался теми же вещами, которые интересовали его обыкновенно, и страх смерти не заставил его изменить своих взглядов на религию. Он находил успокоение в мысли, что работал по мере сил для счастья и прогресса человечества, и выражал сожаление только о том, что его работа обрывается смертью.

Глава II

Детство Джона Стюарта Милля.

Джон Стюарт Милль говорит в предисловии к своей автобиографии, что история его умственного развития особенно поучительна потому, что она показывает, каких громадных результатов может достигнуть умелое воспитание, направляемое исключительно на развитие мыслительных способностей ребенка.

Мы описали в предыдущей главе личность Джеймса Милля: можно себе представить, каким суровым и непреклонным воспитателем должен был быть этот человек, насквозь проникнутый отвлеченными теориями. Его система воспитания была вполне последовательна, глубоко продумана им самим и вытекала из самого искреннего желания добра своему ребенку; она составляла естественный логический вывод из его общего философского мирозерцания и взгляда на жизнь. В воспитании детей Джеймс Милль имел возможность проверить на опыте свои теоретические воззрения и с увлечением взялся за это дело.

Мы почти ничего не знаем о матери Стюарта. Судя по всему, можно думать, что это была слабая и добрая женщина, любившая своих детей, но имевшая на них мало влияния. Она была совершенно подавлена личностью своего мужа, авторитет которого в семье был безграничен. На ее руках лежало все хозяйство, с которым справиться было нелегко, так как доходов было мало, а семья увеличивалась с каждым годом. Старший сын ее, Стюарт, очень походил лицом на мать; он был слабым, тихим ребенком, не любившим бегать и шалить с другими мальчиками. Да ему и некогда было шалить. Вся обстановка дома наводила на другие мысли: мать, всецело погруженная в заботы о хозяйстве и трепетавшая перед мужем, безличная и безгласная; нетерпеливый, раздражительный отец, постоянно занятый своими книгами, не допускавший и мысли о каких-либо развлечениях, — все это не располагало к шалостям. Детская возня и их шумные игры были бы таким диссонансом в правильной, размеренной жизни отца, что он не потерпел бы этого ни в коем случае.

Товарищей у маленького Стюарта не было; отец боялся вредного влияния сверстников на своего сына, предназначенного им для великой цели в будущем: он должен был продолжать дело своего отца, должен был сделаться смелым и независимым мыслителем, общественным деятелем, преданным интересам народа, неутомимым борцом против невежества и предрассудков, быть может, даже социальным реформатором. Для того, чтобы Стюарт мог во всеоружии выступить на жизненную арену, отец решил сам вести воспитание сына. Он по собственному опыту знал, как много времени уходит в молодости даром, без всякой пользы для умственного развития благодаря отсутствию системы в накоплении и усвоении знаний, и хотел избавить своего сына от тех ошибок и заблуждений, которые пережил сам. Поэтому всякое постороннее влияние тщательно устранялось от маленького Стюарта.

Но он рос не один: около него всегда был серьезный и строгий наставник, неотступно следивший за каждым его шагом. Первые детские воспоминания Милля рисуют ему невысокую комнату, уставленную книгами, большой письменный стол, заваленный бумагами, и у стола — отца, погруженного в свою работу. Трехлетний мальчик (родился 20 мая 1806 года) сидит против отца и тоже занят: он учит греческие слова, значение которых написано отцом на особых табличках. Когда он начал читать по-английски — этого бедный мальчик совсем не помнит; можно думать, что он начал читать уже в том возрасте, когда другие дети едва начинают разговаривать. Зато Стюарт прекрасно помнит, что он никогда не имел игрушек, не играл со своими сверстниками, не слушал сказок от матери, не жил в фантастическом мире карликов, эльфов, добрых и злых волшебниц.

Отец позаботился о том, чтобы любознательность ребенка не получила ложного направления: сказки могли развить в мальчике воображение, заинтересовать его такими вещами, которые не имеют ничего общего с греческими вокабулами.

Ему нельзя было увлекаться произведениями народной фантазии, полными всяких предрассудков и суеверий.

Старик Милль признавал умственный труд единственным ценным и прочным наслаждением в жизни; по его мнению, главной задачей воспитания должно быть приучение ребенка к умственному труду. И вот мы видим трехлетнего Стюарта, заучивающего наизусть греческие слова.

Джон Стюарт Милль с грустью говорил впоследствии, что у него не было детства. Но этого мало – у него не только не было детства, у него не было даже юности. Мальчик шести-семи лет производит впечатление совершенно взрослого человека. К этому возрасту он уже получил довольно солидное классическое образование: он свободно читает и пишет по-гречески, прочел басни Эзопа, «Анабазис», «Воспоминания о Сократе» и «Киропедию» Ксенофонта, несколько глав из Диогена Лаэртского, Лукиана и Сократа; наконец, пять первых диалогов Платона. По-английски он тоже прочел много книг, по большей части исторического содержания, среди них – сочинения Юма, Гиббона, Робертсона и других авторов.

Занятия его происходили по следующему плану. Утром он приходил в кабинет отца и вместе с ним принимался за работу. Отец писал, а сын в его присутствии переводил с греческого и учил греческую грамматику. Лексиконов у него не было, и с каждым неизвестным словом он должен был обращаться к отцу, который подчинялся этому неудобству, несмотря на то, что вообще не мог выносить, когда его отвлекали от работы. Вечером отец давал сыну уроки арифметики, и Стюарт Милль рассказывает в своей автобиографии, какой мукой были для него эти уроки с раздражительным, требовательным отцом. Но уроки составляли только небольшую часть его ежедневных занятий. Гораздо больше времени уходило у него на самостоятельное чтение и беседы о прочитанном. Стюарт делал заметки относительно каждой книги, которую он читал, и на другой день, во время прогулки с отцом, должен был передавать ему ее содержание. В течение нескольких лет семья Милля жила в небольшом городке, почти в деревне. Мальчик очень любил природу, но первые воспоминания о зеленых полях и деревенском просторе смешивались в его уме с воспоминаниями об этих полуобязательных серьезных беседах.

Из прочитанных книг маленькому Миллю больше всего нравилась «История Филиппа II и Филиппа III» Ватсона. Он приходил в восторг от описания битв и героических подвигов мальтийских рыцарей в борьбе с турками и восставших жителей нидерландских провинций в борьбе с испанцами. Уже в этом раннем возрасте симпатии его настолько определились, что он всегда стоял на стороне угнетаемых против угнетателей. Только когда ему пришлось читать об основании Североамериканских Соединенных Штатов, он, вследствие понятного детского патриотизма, не мог сочувствовать американцам.

Отец поспешил указать сыну на эту непоследовательность, и мальчик изменил свой взгляд.

Таким образом отец Стюарта старался расширить его детский кругозор и пользовался всяким случаем, чтобы внушить ему свои взгляды на нравственность и политику.

Чтобы развить в мальчике энергию и предприимчивость, отец давал ему читать такие книги, в которых описывались мужественные, непоколебимые люди, умевшие бороться и побеждать всевозможные затруднения, – истории разных путешественников, завоевателей и так далее. Но книги для легкого чтения были совершенно исключены из библиотеки маленького Милля. Случайно ему попался в руки «Робинзон Крузо», и он с наслаждением читал и перечитывал бесчисленное число раз это вечно юное описание борьбы человека с природой.

Когда Стюарту было пять лет, в кружке знакомых его отца о нем уже говорили как о феноменальном ребенке, поражающем своими способностями и познаниями.

Одна знатная дама, леди Спенсер, заинтересованная этими рассказами, просила Бен-тама привести к ней маленького Милля. Последний охотно принял приглашение и, не стесняясь новой для него обстановкой незнакомого дома, вступил с хозяйкой в горячий спор о сравнительных достоинствах Мальборо и Веллингтона как полководцев.

Неизвестно, кто остался победителем в этом оригинальном споре.

Не ограничиваясь чтением исторических сочинений, шестилетний Милль и сам пробовал свои силы на поприще сочинительства. Так, он написал историю Рима, Голландии и даже «Краткие начала всемирной истории». Отец поощрял эти попытки, но был настолько благоразумен, что никогда не заглядывал в его бумаги и не запугивал юного автора критическими замечаниями. Впоследствии Стюарт уничтожил все свои детские произведения, но у одной его знакомой дамы сохранилась копия с одного из них – «Истории Рима». Приведем начало этого любопытного исторического опыта, который мог бы занять около четырех страниц обыкновенной печати.

Первая глава озаглавлена «Альбанское царство. Римские завоевания в Италии» и начинается следующим образом:

«По словам Дионисия Галикарнасского, мы ничего не знаем об истории Рима до сицилийского нашествия. До этого времени страна не подвергалась чужеземным нашествиям. После изгнания сицилийцев иберийские цари правили страной несколько лет; но в царствование Латина Эней, сын Венеры и Анхиза, прибыл в Италию и основал царство, названное Альбалонгой. Он наследовал Латину и начал войну с итальянскими народами. Рутулы – народ, живший у моря, – восстали против него. Но Турн, их царь, был разбит и убит Энеем. Эней был убит вскоре после этого. Война с рутулами продолжалась до времени Ромула, первого царя Рима. Им был основан Рим».

Далее история продолжается в том же роде. Юный историк не хочет отстать от известных ему авторов и старается придать своему труду ученый вид, помещая время от времени ссылки и критические замечания по поводу цитируемых им писателей древнего мира.

Восьми лет Стюарт начал изучать латинский язык и в течение первого года прочел Корнелия Непота и комментарии Цезаря. Отец считал его уже настолько зрелым, что поручил ему обучение младших братьев и сестер. Эти обязательные уроки очень не нравились Стюарту: они отнимали у него много времени, и, кроме того, на нем лежала ответственность за успехи учеников, которые не были особенно понятливы и прилежны. Милль говорил впоследствии, что он на собственном опыте убедился, как нехорошо влияет такая система и на учителя, и на ученика.

В этом году вся семья Милля проводила лето в великолепном поместье Бен-тама, на юге Англии. Старинное средневековое аббатство в готическом стиле, служившее резиденцией Бен-таму, произвело очень сильное впечатление на Стюарта. Он с восторгом описывал одному своему знакомому внутреннее убранство аббатства, высокие просторные комнаты со сводами, расписные позолоченные потолки, богатую живопись на стенах и окнах. Аббатство было окружено тенистым парком, через который протекала река. В парке было много ручьев и водопадов, много живописных лужаек, поросших травой и полевыми цветами. Стюарт Милль с раннего детства любил собирать и засушивать цветы; в этом сказывалось природное поэтическое чувство мальчика, не вполне заглушенное даже той непосильной умственной работой, которую взвалил на него отец. Несколько недель, проведенных в аббатстве, были единственным светлым воспоминанием детства для маленького Милля. Он говорит в своей автобиографии, что контраст между прозаической, мещанской обстановкой квартиры его родителей и великолепием аббатства научил его ценить и понимать красоту.

К 12 годам Милль получил уже такое основательное образование, которое сделало бы честь многим взрослым юношам. Он прочел по-гречески Гомера, Софокла, Еврипида, Аристофана, Ксенофонта, Фукидида, Демосфена, Платона, Аристотеля и многих других; по-латыни – Овидия, Горация, Вергилия, Саллюстия, Тита Ливия, Цицерона и Лукреция.

Он основательно изучил элементарную алгебру и геометрию, прочел несколько сочинений по высшей математике; так как его отец был довольно мало знаком с математикой, то ему приходилось самому справляться со всеми трудностями высшего математического анализа.

Одним из самых больших удовольствий Милля было чтение сочинений по естествознанию. Он с жадностью поглощал трактаты по физике и химии, хотя сам не только никогда не проводил опытов, но даже никогда не присутствовал при них. История Греции и Рима по-прежнему была любимым предметом чтения Милля. Он продолжал пробовать свои силы в самостоятельных исторических опытах и 12-ти лет написал «Историю государственного устройства Рима» – несравненно более зрелое произведение, чем его прежние исторические опыты, отрывки из которых был приведен выше.

В печати оно составило бы довольно объемистый томик и было написано на основании первоисточников – Тита Ливия и Дионисия.

Прежний детский интерес к войнам заменился более осмысленным отношением к историческим событиям; теперь уже Милля интересует исключительно внутренняя история римского народа, борьба патрициев и плебеев. Нечего и говорить, что все его симпатии были на стороне плебеев, требования которых он защищал по мере сил и умения.

Авторская деятельность юного Милля не ограничивалась этими добровольными сочинениями; отец требовал от него стихотворных упражнений на английском языке. Он был избавлен от писания греческих и латинских стихов – на это решительно не хватало времени, – но отец хотел, чтобы Стюарт умел выражать свои мысли в стихотворной форме, и для этого задавал ему темы, по большей части взятые из древнегреческой жизни, которые он должен был перелгать в стихи. Таким образом Стюарт написал несколько песен в подражание Илиаде Гомера, переводил Горация, воспевал в стихах красоты природы и так далее. Как и следовало ожидать, стихи выходили деревянными, в них не было и тени поэзии.

Но отец Милля вовсе и не стремился сделать из своего сына поэта; Стюарт должен был только выработать в себе умение легко и свободно излагать свои мысли, не стесняясь формой выражения, и в этом отношении стихотворные упражнения могли быть действительно полезны.

В 12 лет Стюарт начал изучать логику. Он прочел под руководством отца «Органон» Аристотеля, несколько схоластических трактатов о логике и «Computatio sive Logica» Гоббса. Отец его считал необходимым всегда разъяснять мальчику, для какой цели ему сообщаются те или другие сведения. Это было особенно важно относительно логики силлогизма, полезность которой подвергается сомнению столькими образованными людьми.

Рядом искусно поставленных вопросов Джеймс Милль старался убедить своего сына, что для точности и ясности мышления следует ознакомиться с теорией силлогизма; он приводил примеры логических погрешностей, изобиловавших в суждениях большинства людей, и предлагал сыну самому решить, в чем заключается источник этих ошибок. По мнению Стюарта Милля, ничто не содействовало в такой мере развитию его мыслительных способностей, как это раннее знакомство с формальной логикой. Он говорит, что первая умственная операция, в которой он достиг известного совершенства, заключалась в умении анализировать неправильную аргументацию и находить источник ее неправильности, – этим он обязан прежде всего практике в решении логических проблем под руководством своего отца, который всегда требовал от него точности и последовательности мысли и не допускал никаких смутных, противоречивых ответов.

Чтение греческих авторов давало обильную пищу для конкретной иллюстрации логических законов, выраженных в отвлеченной форме в теории силлогизма. В этом отношении особенно незаменимы были диалоги Платона, в которых сократический метод является в полном своем блеске. По словам Милля, все логические приемы Платона: «точные, недвусмысленные вопросы, посредством которых он заставляет человека, привыкшего к неясным обобщениям, выразить свою мысль в определенной форме или признать свое невежество; постоянное подтверждение общих положений отдельными примерами; разъяснение отвлеченных истин путем строгого различения исследуемого понятия от всех других, сходных с ним в некоторых отношениях и составляющих одну высшую группу, – все это служит лучшей школой точного мышления и имеет глубокое воспитательное значение». Разбирая и комментируя речи Демосфена, отец обращал внимание Стюарта на то, как искусно великий оратор умел выбирать наиболее подходящий момент для сообщения слушателям какой-нибудь новой мысли; как Демосфен постепенно, шаг за шагом, овладевал вниманием слушателей и подготавливал их к восприятию неприятных для них истин, которые возбудили бы их негодование, если бы были сообщены сразу.

Таким образом, чтение греческих классиков приобретало высокое образовательное значение, и, если некоторые объяснения отца не могли быть вполне усвоены Стюартом, то все-таки они заронили в его ум такие семена, которые в свое время дали обильные плоды. Но, несмотря на все успехи Стюарта, отец редко оставался им доволен. По большей части Стюарту приходилось выслушивать выговоры за свою непонятливость и небрежность. Так, однажды во время прогулки мальчик употребил в разговоре с отцом слово «идея». Отец немедленно потребовал объяснения этого слова и был крайне недоволен, когда Стюарт стал путаться и сбиваться в своих ответах. В другой раз Стюарт повторил избитое выражение, что справедливое в теории может быть неприменимо на практике. Это привело отца в сильнейшее негодование, и он предложил Стюарту самому определить, что он разумеет под теорией и практикой; когда Стюарт убедился в своей полной неспособности дать требуемые определения, отец подробно объяснил ему эти два понятия и выразил свое изумление перед поразительным невежеством сына.

В 13 лет Стюарт начал изучать политическую экономию. Не находя ни одного подходящего руководства (главное сочинение Рикардо еще не было напечатано), Джеймс Милль в устных беседах сам излагал сыну политическую экономию. Мальчик записывал по памяти содержание каждой лекции и на другой день прочитывал ее отцу. Так составилась систематический курс политической экономики, который впоследствии был напечатан Джеймсом Миллем под заглавием «Элементы политической экономики».

Как только Рикардо выпустил в свет свои «Начала политической экономики», Стюарт поспешил прочесть эту книгу. Отец дал ему для сравнения книгу Адама Смита «О богатстве народов» и обратил его внимание на большую точность и ясность воззрений Рикардо сравнительно со взглядами Адама Смита.

К этому времени заканчивается первый период умственного развития Милля. Отец и позднее продолжал оказывать на него сильное влияние, но уже не в качестве наставника и учителя, а в качестве опытного друга, к авторитету которого сын всегда относился с величайшим уважением. В 14 лет Стюарт прошел всю школу воспитания и был признан отцом достаточно зрелым, чтобы обходиться без дальнейшего руководства с чьей бы то ни было стороны.

Каковы же были результаты этого беспримерного в истории педагогики воспитательного опыта? Мы знаем, чему в каком возрасте учился Джон Стюарт Милль, но весь интерес вопроса заключается в том, чему он в действительности научился и как действовали на него столь рано приобретенные знания.

Отец Милля считает себя компетентным во всех областях знания, но в действительности он был хорошо знаком только с логикой, психологией и политической экономией. Естественные науки были ему известны очень поверхностно, математика и того меньше. Что касается изящной словесности и искусства вообще, то в этой области Джеймс Милль сам признавал себя круглым невеждой. Таким образом, образование, которое он мог дать своему сыну, должно было быть в высшей степени односторонним. И действительно, несмотря на громадные затраты времени и сил, Стюарт Милль, по словам Бэна, в зрелых годах часто жаловался на разные пробелы в своем образовании и в особенности на то, что он слишком мало знаком с точными науками. Работая над «Системой логики», он затруднялся подыскивать примеры из истории науки и должен был обратиться за помощью к Бэну. Мы уже говорили, что Милль никогда не проделывал опытов и не наблюдал в действительности тех явлений, о которых знал по книжкам. Между тем его анализ методов опытного исследования можно считать одной из его самых крупных научных заслуг. Без всякого сомнения, для его работы было бы гораздо полезнее, если бы для экспериментирования на практике он употребил хоть немного того времени, которое он потратил на чтение греческих и римских классиков.

Точно так же историческое образование Милля не может быть названо особенно обширным. В юности он читает без разбора всевозможные исторические сочинения, увлекается изучением одной эпохи, в то время как предшествующие эпохи остаются ему совершенно неизвестными, перечитывает в разное время по несколько раз одни и те же сочинения, возвращается к древней истории после того, как уже долгое время занимался новой, вообще изучает историю так, как будто у него не было никакого руководителя и он был предоставлен собственной любознательности. Насколько отрывочны были его исторические сведения, можно видеть из того, что, несмотря на весь свой радикализм, он до поездки во Францию был совершенно незнаком с историей французской революции. Эти крупные пробелы в его историческом образовании объясняются тем, что история не была для него предметом обязательного изучения, как классическая литература и математика. Он занимался историей добровольно, в свободное от остальных занятий время: исторические книги заменяли для него изящную литературу и служили отдыхом от обычной напряженной умственной работы. Это не могло не отразиться на характере его исторических познаний. Несмотря на усиленное чтение, Стюарт Милль не вынес из прочитанных книг основательного и полного знания истории.

В воспитании Милля более всего поражает наблюдателя то, что ребенка начали так рано обучать классическим языкам. Шести-семи лет он уже прочел целый ряд греческих книг, среди которых мы находим такие серьезные произведения, как диалоги Платона. Без всякого сомнения, далеко не все прочитанное было действительно усвоено мальчиком. Мы привели выше отрывок из «Истории Рима», написанный Миллем шести лет. Хотя этот отрывок и доказывает, что Милль был удивительно развит для своих лет, но мы не видим в нем следов того обильного чтения, которое, по-видимому, предшествовало его написанию. Сохранилось одно любопытное письмо Стюарта Милля к своим сестрам, написанное на латинском языке; оно доказывает, что Милль неважно владел латинским языком и мало чем превосходит в этом отношении многих своих сверстников. Точно так же он не вполне свободно понимал по-гречески, о чем можно заключить из того, что оригинал «Илиады» не произвел на него никакого впечатления, между тем как перевод Попа привел его в совершенный восторг и открыл ему глаза на поэтические красоты Гомера. Стюарт Милль был слишком завален работой, слишком много учился и читал; ему некогда было основательно знакомиться с изучаемыми предметами; он должен был на лету схватывать разные сведения и спешить дальше. Так, он говорит в своей «Автобиографии», что при изучении дифференциалов ему часто приходилось приниматься за высшие разделы математики, в то время

как низшие разделы были усвоены им очень плохо. Понятное дело, что при такой системе работы масса труда должна была пропадать совершенно даром.

Итак, положительные сведения, вынесенные Миллем из школы его отца, были не так обширны, как того можно было ожидать по количеству затраченных усилий. Но результаты умственного воспитания нельзя мерить одним количеством приобретенных знаний; гораздо важнее развитие самих мыслительных способностей и умения трудиться. В этом заключается главная задача воспитания. Отец Милля никогда не заботился о полноте образования сына, но зато он делал все возможное, чтобы приучить Стюарта к самостоятельному мышлению. Когда встречались какие-нибудь затруднения, когда Стюарт чего-либо не понимал, отец не приходил к нему на помощь до тех пор, пока мальчик не исчерпывал всех сил, чтобы самому добиться успеха. Стюарту случалось по нескольку лет мучиться над решением какой-нибудь особенно трудной задачи. Это, конечно, очень замедляло его успехи в науке, но зато было в высшей степени полезно в смысле воспитания ума. Он с раннего детства привык логично и последовательно мыслить и разрешать разные сложные и запутанные вопросы. При сравнении Стюарта Милля с его сверстниками особенно поражает совершенно неестественное в столь юных годах развитие логических способностей мальчика. В 10—12 лет он ничего не принимает на веру, умеет блистательно аргументировать и защищать свои мнения, имеет законченное, выработанное мировоззрение и относится вполне сознательно ко всем явлениям окружающей жизни.

В 12 лет он самостоятельно, без чьей бы то ни было помощи, изучает такую трудную науку, как высшая математика, и собственными силами справляется с задачами на дифференциальное исчисление. Уже в это время его интересуют также вопросы, разрешение которых впоследствии составило его славу. Так, например, при чтении «Трактата о геометрии» Лежандра он делает остроумную и меткую характеристику метода Лежандра; ему особенно нравится, что Лежандр выводит аксиомы из определений геометрических понятий. В этом он видит подтверждение учения Гоббса, что всякая наука основана на определениях. Такое самостоятельное и критическое отношение к изучаемому предмету свидетельствует о большой силе ума, которой трудно было ожидать у мальчика его лет.

Разумеется, Стюарт был обязан своими успехами прежде всего своим природным блестящим способностям, но без той умственной дрессировки, которой подвергал его отец, он не мог бы развиваться так рано. Какою же ценою были достигнуты эти ранние успехи? Мы до сих пор говорили только об умственном развитии Милля, перейдем теперь к влиянию воспитания на характер и нравственный склад мальчика.

Мы говорили выше, что Джеймс Милль не был верующим христианином и даже отрицал нравственное величие христианского учения. Неудивительно, что он постарался внушить сыну такое же отношение к религии. Стюарт Милль был одним из редких в Англии людей, которые не могли в зрелом возрасте отказаться от религии, потому что никогда ее не имели. Он вырос без всяких религиозных убеждений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.